

ДРУГОЙ ТЕАТР

В глубине сцены вспыхнули яркие, слепящие прожектора. Страшный ураганный ветер ударил в лица зрителей, сметая со сцены в зал бумажный снег. Одинокая фигура человека в желтом комбинезоне и красных мохнатых башмаках движется, преодолевая этот немыслимой силы шквал. Ветер сбивает с ног, почти поднимает в воздух, но человек пытается идти... и все-таки падает, раздавленный стихией.

Таков финал этого спектакля — лучшего спектакля Эдинбургского фестиваля нынешнего года, удостоенного "Золотого ангела", спектакля, создатель которого стал лауреатом премии английской критики, спектакля, на котором зрительный зал смеется сквозь слезы и плачет сквозь смех.

"Сноу-шоу" Вячеслава Полунина — представление удивительное. В нем не только явлена вся мощь дарования его автора, режиссера и исполнителя Вячеслава Полунина — в нем сама клоунада приобретает свое предельное философское, поэтическое звучание. Каждый эпизод, каждая возникающая на сцене

Снежное шоу Вячеслава Полунина

деталь вырастают здесь до масштабов многозначного поэтического образа. И даже "коронка" Полунина — номер с телефонами, знакомый каждому из нас почти что с детства, — выглядит совершенно иначе, чем прежде. Эта смешная кокетливая беседа влюбленных пронизана интонацией неизъяснимой тоски, невозможности понимания, мечты о счастье — мечты недостижимой.

Как всегда у Полунина, спектакль соткан из отдельных миниатюр, формально связанных лишь единым героем. Внутренняя же связь номеров определяется логикой развития атмосферы спектакля, которой суждено взорваться в финале страшным ураганом. В начале представления герой Полунина появляется в классическом клоунском образе неудачника — с длинной веревкой, оканчивающейся петлей. Задумчивость этого потенциального самоубийцы комична и трогательна. Но решение принято, петля надета на шею, остается лишь закинуть вверх конец удавки. В поисках другого конца на сцену вытягиваются десятки метров веревки. Но вот этот бесконечный канат закончился — петлей, надетой на шею другого человека. Смех в зале, рожденный самой ситуацией, быстро смолкает, утонув в пронзительном молчаливом диалоге этих двух странных людей с удавками на шее. Партнер, а точнее — партнерша Полунина в этом спектакле — бразильская актриса Анжела де Кастро — тоже клоун. На ней огромные, похожие на лыжи башмаки, нелепое пальто и шляпа с полями, напоминающими сильно вытянутые в стороны уши спаниеля. Грим этого персонажа, по словам Полунина, создает образ "побитой собаки". Этот второй человек — еще более нелепый, чем первый. Но когда он уйдет, наш герой долго будет смотреть в зал взглядом человека, потерявшего все. Это умирание надежды Полунин играет как-то особенно подробно, внимательно, не боясь держать огромную паузу. Вопреки всем привычным правилам, непомерно большая пауза не только не разруша-

ет динамику спектакля, но наоборот — сгущает, нагнетает его атмосферу.

В "Сноу-шоу" Полунин использует и трюковые ходы, когда, например, из маленькой соринки, найденной на ткани кулисы, вытягивается невероятных размеров паутина, окутывающая весь зал, а потом на сцену с ревом самолета падает колоссальная муха. Или когда задымитесь цилиндр на голове клоуна, превратившись в паровозную трубу. Но все эти маленькие фокусы используются лишь как средство для создания образного строя спектакля. Ведь не так важна сама паутина, приводящая, впрочем, поначалу запутавшегося в ней зрителя в совершенный экстаз, как больно видеть муки человека, не способного отделаться от этой бесконечной нити, в сети которой он попался из-за совершенного пустяка. А потом появление бегемотоподобной мухи заставит вновь зрителей рассмеяться.

Полунин манипулирует зрительскими эмоциями, как хороший иллюзионист картами. И невозможно предугадать, где заставит он тебя смеяться, а где — плакать. Вот он, пронзенный стрелами, танцует предсмертное адажио, пробираясь по спинкам зрительских кресел. Танец почти пародийный. Последние судорожные балетные па, и он умирает... А из-за кулис появляется и раскланивается перед публикой "автор", держащий в руке лук, из которого были выпущены смертоносные стрелы. И смешно, и нелепо, и грустно.

А потом будет прощание, и мчащийся куда-то поезд: цилиндр на голове — труба паровоза, комодан в руках — вагончик, и чудная песенка с навязчивым рефреном: "Это прекрасно...". И пойдет бумажный снег на сцене и в зрительном зале. Небесно-синие полотнища декораций развернутся к зрителю своей белой изнанкой и превратятся в стены снега. Совсем маленький человек в желтом комбинезоне и красных лохматых башмаках (младший Полунин) медленно провезет по сцене вереницу крохотных картонных домиков под шапками снега — в окнах горят огоньки, из труб вьется дымок. А вслед за ним наш герой осторожно будет ступать по скрипучему снегу. И вдруг вся эта печальная лирика зимы взорвется финальным шквалом.

На этом клоунском представлении зрители всегда плачут. Но не от сентиментальной жалости к маленькому неудачнику в желтом комбинезоне, а от вселенской тоски, которой наполнен воздух этого спектакля. Тоски светлой, поэтической, а потому еще более щемящей и мучительной.

Клоун-поэт, клоун-лирик — явление чрезвычайно редкое, требующее особого дарования видеть мир в "розово-черных" тонах, в тонах трагикомедии. Ну а если эта способность помножена на огромный актерский талант, которым, безусловно, обладает Вячеслав Полунин, то перед нами явление, действительно, экстраординарное. А потому неудивительно, что зарубежная пресса единодушно называет сегодня Полунина "лучшим клоуном мира".

Наталья ТАБАЧНИКОВА.

Экран и сцена -
1997. - 16-23 янв. -